

12

Труд 16 сент. 95 г

НЕПРИЧЕСАННЫЙ МОНОЛОГ

Не добивайтесь!

Инвалидом Павла Сергеевича Конова сделала война. Лишить жизни намерено родное государство

Павел Сергеевич Конов из тех, на которых держится жизнь. Он завоевывал Победу для страны в Великую Отечественную. Восстанавливал страну искалеченный. Не сдавался и другим давал пример жизнелюбия. По этому человеку никогда не скажешь, что он инвалид: без руки и с израненными ногами. Выращивает на своем крошечном, в четыре сотки, огороде необыкновенно вкусные желтые помидоры, а еще пчел разводит. И охотно угощает плодами своего труда знакомых. Только недавно Павел Сергеевич ушел на пенсию — тяжело уже стало работать. Но сидеть без дела он не умеет и не любит. Для него это — гибель.

И в редакцию Конов приехал именно потому, что оказался как раз на краю гибели.

— Не знаю, к кому обратиться. К президенту? К Генеральному прокурору? А может, в Думу?

Я — инвалид Великой Отечественной войны второй группы. Все правительственные инстанции прошел. На мои запросы и просьбы или не отвечали, или отвечали отписками. Прошу услышать мой душевный крик и отнестись к этому по-человечески.

От среднего, доперестроечного, благополучия ничего не осталось. Ныне — я нищий. Из-под меня словно выдернули землю, на которой стоял и по которой двигался, выдернули отработанную систему жизни, труда, самообеспечения. Ведь я же инвалид, и у меня не все так, как у здоровых, не искалеченных. Теперь вокруг меня — пропасть, шагнуть куда-то, и опоры никакой, кроме скамеечки у крылечка.

Грабёж инвалидов войны в угоду кучке миллиардеров, как их теперь называют, «новых русских», ничем не ограничен.

Вот, например, я в течение 25 — 30 лет на сберкнижку откладывал инвалидную пенсию, которая сначала была 36 рублей, позже, к шестидесятым годам, — 72 рубля. Правда, выдавали мне ее, как работающему, только половину, то есть 18 или 36 рублей. Но и эти деньги были нелишними.

Накопленная сумма намечалась на покупку или строительство загородного дома. Только в октябре 1991 года удалось получить разрешение на приобретение участка земли в деревне. Думал, вот наконец осуществится мечта. Но 2 января 1992 года денежные вклады обесценились. Это был первый открытый «цивилизованный» грабёж. Но не последний.

Построить пристанище в деревне — мечта детства, пронесенная через всю жизнь. Жизнь — на за-

кате. Но есть еще силы и остаток дней, достаточные, чтобы после себя оставить память — дом среди полей. Нужно только проиндексировать мой вклад в Сбергосбанке и выдать его или оплатить строительство, не выдавая денег.

Но кто поможет в этом? Кто поможет тысячам таких, как я?

Как инвалид Великой Отечественной имею права управления спец. автомобилем. Ежегодно их подтверждаю в медицинской комиссии. Но у меня обе ноги хоть были ранены, свои. Согласно «древним», 50-летней давности, правилам, разработанным медиками с участием кого-то еще, мне автомобиль не положен. Это абсурдное правило медицинские комиссии РФ строго выполняют и поныне.

Москва, кавказские республики СССР игнорировали эту инструкцию, и всем инвалидам, имеющим права управления автомобилем, выдавали его бесплатно. Также обеспечивают своих инвалидов войны все страны, воевавшие с фашизмом. Только Россия не уважает своих искалеченных воинов. Мне не повезло я — житель Калужской области и потому добивался получения автомобиля, а потом его покупки хотя бы по льготной цене семнадцать с половиной лет!

Сначала говорили: «Вам автомобиль не положен — вы мало искалечены». Потом стали говорить: «Автомобили не продаем — выдаем бесплатно, поэтому купить его вы не можете». Так отвечало мне Министерство социального обеспечения — «милосердная» организация. Это головотяпство прекратилось в 1973 году,

после того как толстую папку переписки послал на имя Брежнева.

Мне было уже 53 года. Продали автомобиль ЗАЗ-9689Р для инвалида без одной руки и одной ноги по заводской стоимости за 2200 рублей, дешевле почти на 1000 рублей его магазинной цены. Пришло облегчение.

После семи лет (такой установлен срок эксплуатации автомобиля инвалидом) автомобиль я продавал, добавлял 200 — 300 рублей — и покупал новый.

В июне 1995 года (в год 50-летия Победы) кончился срок эксплуатации моего очередного транспортного средства. Заменить его по старой схеме теперь невозможно. Инвалидный «Запорожец» никто не купит. Миллионы рублей взять негде. У меня их нет и быть не может. Прощай, машина!

Так выбили из-под меня не просто колеса, а единственное возможное средство передвижения. Выбили опору в труде, поставили перед фактом, быть «полноценным» инвалидом, дожидаясь кончины.

Жизнь меняется лихо. Только то варварское правило эпохи СССР, закрепленное в медицинской инструкции, остается. Ни медики, ни «гуманиты» из Министерства социальной защиты не стремятся его пересмотреть. «Бесплатно машину такому инвалиду? — да ни за что».

Инвалиды говорят: «Без ноги жить легче. Делать все можно. Без руки — гораздо хуже». Я без руки приспособился работать, чтобы в труде заглушать ноющую боль своей неполноценности. И вот звенья моего приспособления окончательно разрушили государственные чиновники. И ведь я не один! Большая часть инвалидов, получивших увечья в боях (именно в боях), автомобилями не обеспечивается.

Но и это еще не все беды, обрушившиеся на стариков в наше жестокое время.

В городе Обнинске Калужской области, где я живу, периодически прекращают отпуск лекарств из аптек города по льготным рецептам, в том числе бесплатно — для инвалидов войны. Мэр горо-

да объясняет это тем, что на льготы нет денег. Федеральные власти средств не дают.

Большинство из нас, инвалидов войны, живы до сих пор, и я рад этому. Живы мы благодаря великому подвигу медицинских работников в местах сражений и в тыловых госпиталях. А сейчас, пятьдесят лет спустя, правительство и местные власти делают все для скорейшего ухода в мир иной участников Великой Отечественной.

До перестройки моя пенсия составляла 157 рублей. За последние пять лет цены возросли в десять тысяч раз. Следовательно, чтобы жизненный уровень держался на прежнем, доперестроечном, уровне пенсию надо соответственно увеличить. Я посчитал — должен получать миллион рублей. Фактическая моя пенсия почти в два с половиной раза меньше. И вот итог — жизненный уровень за последние пять лет резко упал и продолжает снижаться ежедневно и неуклонно. Впрочем, если сидеть на скамеечке у крылечка, на скромном питании такой пенсии хватит.

Но я же двигаюсь и стараюсь жить в том же доперестроечном темпе. Этот уклад жизни и интересов требует тех же затрат, которые были до перестройки.

Вот и отдайте мне пенсию с учетом инфляции.

Я — односторонний инвалид. И далеко не все жизненные дела могу самостоятельно делать. Например, не в состоянии завязать шнурки на ботинках. ВТЭК определил: «Конов нуждается в посторонней помощи». В моей пенсии отдельной строкой выделена на это сумма. Аж в 20 тысяч рублей. Я думаю, какой же посторонний, хотя бы урывками, тем более постоянно, пойдет за такие гроши помогать?

Говоря все это, понимаю, что мои слова упадут в бездну, из которой ни взаимительного, ни человеческого, тем более душевного слова не услышишь и не увидишь. Мною это испытано. Горько и обидно. Неужели нас лишили надежды на жизнь?

Павел КОНОВ.

ОБНИНСК
Калужской области